

Даниил Сергеевич Каргальсков

юрист, Wooden Fish Agency Limited,

магистр юриспруденции (МГИМО)

dkargalskov@gmail.com

I. Соотношение доктрины интервенции с принципом относительности обязательственных отношений

Защита интересов кредитора при интервенции третьего лица в договорные отношения строится по модели деликтной ответственности. С догматической точки зрения основанием такой ответственности выступает п. 2 ст. 6:162 Гражданского кодекса Нидерландов¹, который гласит:

«1. Лицо, которое по отношению к другому лицу совершает противоправное действие, ответственность за которое возлагается на него, обязано возместить такому другому лицу причинённые ему убытки.

2. Противоправным действием признается нарушение права, а также действие или бездействие, которые противоречат требованиям закона либо тому, что согласно неписанному праву подобает в обществе, за исключением случаев, когда для этого имеется законное основание.»².

Противоправность интервенции третьего лица в чужие договорные отношения следует из того, что такое поведение противоречит принятым в обществе нормам поведения («добрым нравам», «goede zeden»³).

Однако не любое вмешательство в чужие договорные отношения автоматически рассматривается как противоправное. Противоправность такого вмешательства определяется в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В судебной практике не было выработано единого перечня критериев, наличие которых позволило бы рассматривать то или иное вмешательство в договорные отношения в качестве однозначно противоправного. В качестве примеров таких критериев Верховным судом приводятся следующие ориентиры: (1) знание о существовании договорного запрета / наличие умысла, (2) степень, в которой поведение интервента повлияло на решение контрагента нарушить договор, (2) величина и предвидимость убытков пострадавшей стороны⁴.

Таким образом, в отличие от российского права, судебная практика которого в качестве обязательного условия (*sine qua non*) деликтной ответственности зачастую требует доказать наличие «права, которое нарушено» (п. 1 ст. 15)⁵, в праве Нидерландов такое формальное требование отсутствует, так как противоправность здесь следует не из нарушения некоего субъективного права стороны договора, а из противоречия «добрым нравам». Отчасти оба подхода (российский и голландский) сближает то, что для обоснования ответственности

¹ L.M. van Bochove, *Betrokkenheid van derden bij contractbreuk* (dissertatie Erasmus Universiteit Rotterdam), Wolf Legal Publishers 2013. P. 35. URL: <https://ssrn.com/abstract=2500811>

² Перевод (с некоторыми изменениями) приводится по: Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2, 3, 5, 6 и 7 / пер. М. Ферштман; отв. ред. Ф.Й.М. Фельдбрюгге. 2-е изд. Лейден, 2000.

³ Решение Верховного суда Нидерландов от 31.01.1919, HR 31 januari 1919, NJ 1919, 161 (Lindenbaum/Cohen).

⁴ Решение Верховного суда Нидерландов от 11.11.1937, HR 11 november 1937, NJ 1937, 1096, m.nt. E.M. Meijers (Kolynos); Решение Верховного суда Нидерландов от 17.05.1985, HR 17 mei 1985, NJ 1986, 760 (Curaçao/ Bouyé); Решение Верховного суда Нидерландов от 15.10.1999, HR 15 oktober 1999, NJ 2000, 101 (Driessen/ Venegas).

⁵ Подробнее см.: Егоров А.В. Интервью с О. Петроль и А. Ягельницким // Арбитражная практика для юристов № 10, октябрь 2017

интервента российские суды (в отсутствие специального деликта и отсутствия в ст.ст. 1064, 15 ГК РФ указания на иные признаки противоправности помимо нарушения субъективного права) ссылаются на ст. 10 ГК РФ⁶. Однако, как отмечает О.Д. Петроль, и здесь (п. 4 ст. 10 ГК РФ) при буквальном прочтении требуется доказать наличие «права, которое нарушено».

Используемый в праве Нидерландов догматический подход к ответственности интервента позволяет избежать острых противоречий с принципом относительности договорных правоотношений, который закреплен в ст.ст. 6:248 - 6:257 Гражданского кодекса Нидерландов, так как интервент несет ответственность, основанием которой является не договор (и его нарушение), а поведение, противоречащее «добрым нравам». Таково преобладающее мнение в нидерландской доктрине⁷.

II. Санкции в случае интервенции в чужие договорные отношения

Набор санкций, применяемых в случае интервенции в чужие договорные отношения, предопределяется положенной в основу доктрины интервенции догматической конструкцией деликтной ответственности. В качестве таковых в нидерландском праве выступают следующие средства защиты⁸:

- возмещение убытков,
- возмещение вреда в натуре,
- судебный запрет (injunction).

При возмещении убытков за отправную точку размера будущей компенсации принимается реальный ущерб и упущенная выгода потерпевшей стороны. Однако возмещение убытков может также строиться по модели *disgorgement of profits* (взыскания неправомерно полученной прибыли). В таком случае размер присуждаемой компенсации может (частично) выходить за рамки принципа компенсации (т.е. превышать размер понесенных потерпевшей стороной убытков – реального ущерба и упущенной выгоды), приобретая таким образом черты сверхкомпенсации⁹.

Согласно ст. 6:103 Гражданского кодекса Нидерландов возмещение вреда может выражаться в иных формах нежели возмещение убытков (денежная компенсация). Одним из таких способов является возмещение вреда в натуре. Данный способ возмещения вреда, как правило, применяется в ситуациях двойной продажи, когда потерпевшая сторона заинтересована в получении самой вещи, а не ее денежного эквивалента. В таком случае обязанность по передаче вещи в натуре в пользу потерпевшей стороны может возлагаться судом как на продавца вещи (в случае если вещь находится у него и еще не была передана им интервенту, который является покупателем по второй из двух сделок)¹⁰, так и на самого интервента (если он уже получил вещь от продавца в счет исполнения заключенного с ним договора)¹¹.

⁶ Определения КГД ВС РФ от 18 апреля 2017 г. N 77-КГ17-7, от 28 февраля 2017 г. N 32-КГ16-30, от 20 сентября 2016 г. N 49-КГ16-18, от 9 августа 2016 г. N 21-КГ16-6, от 29 марта 2016 г. N 5-КГ16-28, от 14 июня 2016 г. N 52-КГ16-4, от 1 декабря 2015 г. N 4-КГ15-54, от 8 декабря 2015 г. N 5-КГ15-179, от 8 декабря 2015 г. по делу N 34-КГ15-16, а также Определение КЭС ВС РФ от 13 июня 2017 г. N 301-ЭС16-20128

⁷ L.M. van Vochove Op. cit. P. 40

⁸ L.M. van Vochove Op. cit. P. 81

⁹ Подробнее см.: Каргальсков Д.С. Взыскание прибыли, полученной правонарушителем: голландский подход и одно определение Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 1. С. 107–123.

¹⁰ Решение Верховного суда Нидерландов от 03.01.1964, HR 3 januari 1964, NJ 1965, 16 (Streefland/Van der Graaf).

¹¹ Решение Верховного суда Нидерландов от 17.11.1967, HR 17 november 1967, NJ 1968, 42 (Pos/Van den Bosch).

Наиболее распространенным способом защиты прав в случае интервенции в договорные отношения является судебный запрет (ст. 3:296 Гражданского кодекса Нидерландов), который используется чаще чем непосредственно взыскание убытков¹². Судебный запрет применяется, как правило, при нарушении (вертикальных) дистрибьюторских соглашений, т.е. в случаях долгосрочных договорных отношений, когда важно пресечь потенциальные будущие нарушения. Для применения судебного запрета истцу необходимо доказать лишь наличие угрозы нарушения установленного соглашением запрета. Таким образом, данный инструмент может быть использован для превенции потенциальной(ых) интервенции(ый) даже в том случае, когда ни одной интервенции еще не состоялось¹³.

---

¹² ¹² L.M. van Bochove Op. cit. P. 81-82.

¹³ A.S. Hartkamp & C.H. Sieburgh, Mr. C. Asser's Handleiding tot de beoefening van het Nederlands burgerlijk recht. 6. Verbintenissenrecht. Deel IV. Algemeen overeenkomstenrecht, Deventer: Kluwer 2011, nr. 153.